

Алек Эпштейн, Натан Патлас

Иерусалим, Израиль

РОЛЬ РУССКО-ЕВРЕЙСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗРАИЛЕ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ И СОЦИАЛЬНЫХ КРИТИКОВ

На протяжении нескольких десятилетий евреи являлись самой высокообразованной этнонациональной группой в СССР. Несмотря на то, что их численность составляла не более 1 % населения, в общем составе студентов их насчитывалось 2 %, среди научных сотрудников — 6 %, среди врачей — 9 %. В начале 70-х гг. в СССР было более 500 тыс. евреев с высшим образованием, среди них 100 тыс. были заняты научно-исследовательской деятельностью или занимали академические должности, около 30 тыс. имели ученую степень. Помимо сотен тысяч инженеров и врачей более 50 тыс. квалифицированных специалистов работали над теоретическими исследованиями и были заняты в учреждениях прикладной науки.

Хотя в десятилетие частичной дестабилизации (1953—1964) наблюдалось определенное возрождение культуры на *идише и отход от вопиющих и угрожающих жизни форм антисемитизма, тем не менее политика «пропорционального представительства», которая негласно, но весьма настойчиво начала проводиться в жизнь около 1960 г., привела к резкому сокращению процента евреев среди представителей тех престижных профессий, которые были им еще доступны. За десятилетие, с 1962 по 1972 г., количество евреев среди студентов сократилось примерно на 30 % (с 2,7 % в 1962 г. до 1,9 % в 1972—1973 гг.¹), среди ученых — более чем на треть (с 9,5 % в 1960 г. до 6,1 % в 1973 г.²), в то время как процент евреев среди студентов-медиков стал в 2,5 раза меньше по сравнению с их долей среди обладателей ученых степеней (3,4 % по сравнению с 8,8 %³).

Неуверенность в будущем, связанная с тревогой об образовании детей, государственный антисемитизм и профессиональная неудовлетворенность, проистекающая из убеждения, что результаты их труда будут использованы в СССР технически нерацио-

Перевод с английского.

нальным и идеологически неприемлемым образом, а их инициатива будет подавлена из-за национальных антагонизмов и партийной бюрократии, были среди основных причин эмиграции еврейских ученых из Советского Союза⁴. За последние 25 лет в Израиль из бывшего Советского Союза эмигрировали почти 20 тыс. ученых. Две волны эмиграции русских евреев в 70—90-е гг. составили крупнейшую этническую группу эмигрантов в Государство Израиль; ученые в каждой из этих волн представляли собой выдающуюся элитную группу.

Как утверждал Норман Сторер, «каждый ученый рождается в определенной группе, и культура этой группы неизбежно формирует его мировоззрение»⁵. Нина Торен эмпирически проверила этот тезис в своем исследовании, основанном на примере 298 ученых, эмигрировавших в Израиль в начале 70-х гг. 70 % (= 207) респондентов прибыли из СССР и 30 % (= 91) — из США. При сравнении отношения бывших советских и американских, а ныне израильских ученых к традиционным характеристикам ученого (описанным Робертом Мертоном в начале 40-х гг.⁷ как синтез четырех первичных норм: универсализм, коллективизм, бескорыстие и культивируемый скептицизм) не было выявлено каких-либо значительных различий. Исключением был момент, относящийся к эмоциональной беспристрастности, — пятая важная норма, добавленная Барбером⁸. Согласно этому, для соблюдения принципа рационализма, который является решающим в научном прогрессе, ученые не должны быть вовлечены в свою работу эмоционально. Однако русские ученые в значительно большей мере придерживаются мнения, что «сильная эмоциональная вовлеченность ученых в свою работу является приемлемой и желательной позицией в научном творчестве»⁹. Возможная интерпретация этого вывода состоит в том, что по сравнению с другими видами деятельности в Советском Союзе (например, экономической, политической, изобразительным искусством и религиозной) в научной работе, особенно в области теоретической математики и физики, было относительно больше свободы. В этой связи И. Бен-Давид отметил, что в то время наука обладала относительной возможностью оградить себя от политики и идеологии, а режим нуждался в научных рекомендациях и технологиях. Это привело к тому, что в тоталитарных государствах именно ученые обладали тем уровнем свободы, в котором другим было отказано. Это преимущество делает науку весьма притягательной сферой деятельности в таких обществах¹⁰.

Эти же условия явились причиной того, что большинство евреев, чьи возможности были в целом более ограниченными, чем

у других граждан СССР, выбирали академическое образование и были больше представлены в науке. Следовательно, страстная преданность советских еврейских ученых научной работе вполне объяснима, и, по словам одного из них, «научная работа для нас не средство к жизни, а единственный источник духовного удовлетворения и единственный путь к подлинной культуре»¹¹, и, как заявил другой респондент, «большинство евреев в крупных городах СССР — атеисты. Наука — вот наша религия!»¹²

Поскольку евреи в Советском Союзе были неотделимы от остальной советской интеллигенции, то выделить проблемы еврейских интеллектуалов среди проблем интеллектуалов в Советском Союзе вообще — трудная, если даже невыполнимая задача. В течение нескольких десятилетий социально-психологическое мировоззрение советских интеллектуалов было свободно от каких-либо религиозных и традиционных национальных элементов и основывалось на утилитарных и общенаучных идеях. По словам родившегося в Харькове, а ныне профессора физики Тель-Авивского университета А. Воронеля, «опыт трех поколений научил советского интеллектуала, что его единственной неотъемлемой ценностью (и в то же время оправданием его существования) является его профессиональный потенциал, который при идеологическом вакууме в обществе отождествляется с его духовной жизнью»¹³.

В своем личном свидетельстве, озаглавленном «Двадцать лет спустя», А. Воронель утверждал, что в течение нескольких десятилетий почти все его время было посвящено научной работе. Однако, «как только вышестоящее начальство прослышало о моих знакомствах среди диссидентов, были предприняты попытки ограничить мою профессиональную деятельность с полезной целью оградить окружающих меня людей от моего пагубного влияния. В результате у меня появилось много свободного времени для гуманитарных размышлений, и мой авторитет распространился далеко за пределы моего узкого профессионального круга. Эти размышления все больше и больше убеждали меня в том, что я не принадлежу к стране, в которой родился и вырос»¹⁴. Учитывая это, мы могли бы сфокусировать внимание на двух аспектах. Во-первых, это процесс трансформации традиционной роли «чистого ученого» в позицию «социального критика» (по определению Майкла Уолзера¹⁵). Во-вторых, это непринадлежность к стране, в которой эти выдающиеся исследователи были активными участниками подпольного сионистского движения, родились, выросли и стали учеными (подробный перечень имен был бы слишком длинным, отметим некоторых: Марк Азбель, Вениамин

Файн, Илья Пятецкий-Шапиро, Виктор Брайловский, Александр Лернер, Евгений Левич, Наум Мейман, Давид Азбель, Михаил Агурский, Виталий Рубин и т.д.).

Для начала необходимо отметить, что среди членов, экспертов и корреспондентов Советского комитета по правам человека, основанного в ноябре 1970 г. и представлявшего собой важнейшую часть инфраструктуры подпольного демократического движения, было немало людей еврейского происхождения. Еще более важно то, что «с точки зрения естественного сочувствия, семьи и дружбы, движение по защите прав человека было неразрывно связано с евреями и их делом. Комитет всегда был в первых рядах защитников еврейских активистов в случаях, когда они сталкивались с судебным преследованием по политическим мотивам или другими факторами государственных репрессий»¹⁶. Комитет определял действия властей, препятствующие свободному выезду евреев из Советского Союза и в особенности репатриации в Израиль, как «незаконные» и осуждал официальную пропаганду, распространявшую враждебную и ложную информацию об идеях репатриации и *сионизма. В своем открытом письме конгрессу США в сентябре 1973 г. Андрей Сахаров, наиболее влиятельный интеллектуальный и духовный лидер либерально-демократического движения, писал, что считал своим долгом выразить свой взгляд на «защиту права на свободу проживания в стране по выбору индивида». Открытые заявления Сахарова привели к резким официальным угрозам в его адрес. Группа из десяти выдающихся ученых еврейского происхождения (среди которых были Борис Эйнбиндер, Марк Азбель, Борис Орлов, Александр Лунц, Вениамин Левич, Александр Воронель, Александр Темкин и др.) подписали открытое письмо, в котором заявили, что «в некоторых случаях молчание делает человека соучастником преступления. Сегодня преследование в СССР Андрея Сахарова и Александра Солженицына — это именно та ситуация. И мы не можем молчать». В своем меморандуме эта группа просионистски настроенных ученых заявила: «Мы решили покинуть Россию, так как чувствуем, что не принадлежим к этой стране. Однако мы не можем быть равнодушны к России, к ее народу, к ее культуре. И если бы существовал враг, ненавидящий русское и мечтающий разрушить все прекрасное в России, то наверняка начал бы с Солженицына или Сахарова. Любая великая страна гордилась бы этими людьми, и только Россия, продолжая свою затянувшуюся традицию, пожирает своих лучших сыновей».

Растущая вовлеченность еврейских ученых во многие диссидентские группировки в результате привела к выводу, что «евреи

всегда верно служили иностранной родине, которая больше возмущалась своими еще оставшимися евреями, чем была готова признать их своими детьми». Хотя не все эти ученые планировали эмигрировать в Израиль (как например, Юрий Шиханович, Александр Есенин-Вольпин и др.), наиболее распространенная точка зрения была четко выражена словами Марка Азбеля, на тот момент 43-летнего профессора известного Института теоретической физики им. Л. Д. Ландау: «Задачей еврейской интеллигенции не является разменивать свою жизнь в СССР»¹⁷.

Русский интеллигент традиционно играл особую роль в эволюции современного российского общества. С возникновением более либерального постсталинского режима интеллигенция возобновила свою давнюю и традиционную роль главной движущей силы реформ и либеральных идеалов в российском обществе. Существует предположение, что факт активного участия в различных социально-политических процессах был перенесен интеллектуалами-эмигрантами в принявшие их общества и стал неразрывной частью их внеучебной деятельности. В результате в рассматриваемом случае можно видеть активное участие израильских русских ученых в обсуждении существенных проблем общественной жизни Израиля.

Анализ этого феномена мог бы быть значительным вкладом в сравнительную социологию познания, в особенности учитывая общеизвестную проблему связи между практикой научного исследования и концепцией об интеллектуалах как особой статусной группе. С одной стороны, согласно формулировке Льюиса Фьюера, «интеллектуал — это человек, выбивающийся за рамки культурной суперструктуры. Называя человека интеллектуалом, мы предполагаем, что на каком-то базовом уровне он выступает против или вне обязательной и доминирующей культуры»¹⁸. Подобное определение стирает все различия между интеллектуалом и диссидентом, находящимся в оппозиции к господствующей культуре как установленной корпоративной властной элитой, что является необходимым условием самосознания интеллектуала. Однако сам же Льюис Фьюер предлагает следующее: «Представим себе классы, заполненные образованными людьми, например математиками или музыкантами. Они обладают определенными культурными ценностями и могут считать себя лидерами культурного общества. Взгляды этих людей на общественное бытие в целом могут быть ограничены их культурными ценностями, они могут быть равнодушны ко всему, кроме их математики или музыки. К тому же таких людей зачастую не считают интеллектуалами. Дело в том, что, как это происходит в течение многих

лет, для того чтобы называться интеллектуалом, совсем необязательно обладать профессией, связанной с культурой»¹⁹. Фьюер сделал вывод, что если интеллектуалом является тот, кто проявляет большие способности заниматься основными социальными и нравственными проблемами, то не обязательно каждый ученый — интеллектуал. Эта же идея оспаривалась австралийским философом Фрэнком Кнопфельмахером, который определяет интеллектуалов как «искусно владеющих словесными символами и понятиями для моральных и политических бесед, размышлений, обсуждений или полемики». Что касается ученых-гуманитариев, то, по мнению Кнопфельмахера, их дисциплины уже содержат элементы интеллектуальных усилий: они не могут быть неинтеллектуалами по определению, а «если они таковыми являются, то в таком случае они, по-видимому, «слабые интеллектуалы», вероятно, испытывающие недостаток нравственной и культурной восприимчивости»²⁰. Естествоиспытатели, напротив, обычно являются просто техническими специалистами. Они могут оказывать интеллектуалами случайно, демонстрируя способность умело трактовать социальные и нравственные проблемы, не относящиеся к сфере их научной деятельности, или же их научные интересы могут распространяться в сферу нравственности и политики. Несомненно, можно вспомнить длинный перечень имен специалистов в области физики и биологии как в России, так и в Израиле (как, например, Андрей Сахаров — профессор физики и самый грамотный российский либеральный мыслитель второй половины XX в., или же наиболее известный израильский левый публицист и философ, профессор химии и биологии в Израиле Иешаягу Лейбович²¹). Однако принято считать, что общественная роль специалистов в области социологии, экономики и политологии, особенно в том, что касается публичной политики, социологически отличается от роли специалистов в физических и биологических науках²². Именно по этой причине особый интерес вызывает феномен изменчивости самоопределения большой группы выдающихся ученых в области физики и биологии. Так, к неотъемлемой части интеллектуальной элиты русскоговорящей еврейской общины Израиля можно причислить Александра Воронеля (главный редактор журнала «22: Москва—Иерусалим»), видного публициста Марка Азбеля, удостоенного Государственной премии Израиля, Илью Пятецкого-Шапира, члена Кнессета (израильского парламента. — *Ред.*), Виктора Брайловского и других бывших советских ученых. Более того, английские и *ивритские переводы их статей по различным социально-политическим проблемам публикуются в ряде влиятельных журналов

и других изданиях и всегда обсуждаются израильской общественностью; эти же люди входят в число тех, кто представляет совесть нации при разрешении основных спорных вопросов.

Нина Торен, сравнив бывших советских и бывших американских ученых с точки зрения идеологической лояльности и вклада в основополагающий принцип возможной приспособляемости, а также важность их научных исследований, высказала мнение, что «бывшие советские ученые представляют более высокий уровень общественного сознания и участия, чем их западные коллеги»²³. Среди советских ученых лишь 27 % поддерживают принцип политической и идеологической лояльности (а именно идею о том, что ученый не должен привносить в научную работу то, что идет вразрез с политическими убеждениями и идеологией общества), в то время как 43 % согласны с принципом утилитарности (по которому научные знания должны оцениваться преимущественно исходя из их потенциального применения и полезности); среди их американских коллег — только 13 %²⁴. Эта же концепция проявилась также в откровенных интервью с эмигрировавшими в Израиль советскими учеными: они особо подчеркивали важность использования результатов научных исследований для нужд общества. Их недовольство израильскими научными учреждениями вызвано тем, что исследования недостаточно спланированы, организованы и направлены на достижение заранее predeterminedенных социально-экономических целей. Один из проинтервьюированных физиков очень выразительно высказал это чувство: «Ученому-эмигранту должно быть сказано, что от него требуется. Цели его работы должны быть определены таким образом, чтобы он чувствовал полезность своего труда, а не бегал в поисках фондов и не предлагал никому не нужные проекты»²⁵. Эта ориентация особенно сильна вкупе с сионистским патриотическим пылом. Александр Воронель, организовавший в 1972 г. в Москве семинар еврейских ученых, которые планировали эмигрировать в Израиль, подтвердил это обязательство, написав, что советские евреи ориентированы на исход из общества, где они не нужны и которое они сами отвергают, в общество, как они думали, динамичное, культурное и свободное от недостатков советского общества. Только при продуктивном использовании их труда советские евреи могут чувствовать себя нужными в Израиле²⁶.

Хотя отсутствуют конкретные данные об отношении ученых в целом, представляется, что тут можно применить результаты опроса врачей, эмигрировавших из бывшего СССР, по поводу того, приемлема ли для ученого смена занятий. Несмотря на значи-

тельные трудности при экзамене на получение лицензии, только 12 % респондентов из выборки 520 врачей, приехавших в Израиль в 1990 г., указали, что не выбрали бы профессию врача, если бы им пришлось начинать карьеру вновь²⁷. Уникальный культ профессии, религиозная одержимость профессиональными интересами, превалировавшая в СССР, не только побуждали советских интеллигентов работать гораздо больше нормы, но и заставляли их придавать огромное значение профессиональным успехам и неудачам, что доставило им немало переживаний, когда они не смогли реализовать свои профессиональные возможности в Израиле. Учитывая этот фактор, интересно отметить, что, по результатам исследований, советские ученые видели возможность приносить пользу своим трудом более широкому кругу людей посредством общественной деятельности и достижения целей путем взаимодействия и личных контактов с коллегами, а не своей профессиональной научной ролью²⁸.

Самоидентификация русско-еврейской интеллигенции — это уникальное сочетание еврейского этнического и культурного наследия и наследия великой русской культуры, создававшейся также писателями и поэтами еврейского происхождения. Особый, уникальный тип самоидентификации, не являющийся чисто еврейским или чисто русским, преобладает среди русского еврейства²⁹. Поэтому «высокая степень общественного сознания и участия» бывших советских ученых-евреев глубоко коренится как в сильной приверженности сионистской идее, так и в уникальной русской интеллектуальной традиции. Поскольку «задачей еврейской интеллигенции не является разминивать свою жизнь в СССР», страстное желание бывших советских ученых-евреев стать необходимыми своей новой стране объясняется их надеждой и верой в то, что они могут сделать для израильского общества больше, чем для развития науки в России.

Процесс профессиональной интеграции ученых в Израиле весьма многотруден, но, так же как и вся русскоговорящая община Израиля, которая в израильском обществе сначала была в положении аутсайдера и признавалась общинной организацией в основном на неформальном уровне и являлась неофициальной структурой, ученые из бывшего Советского Союза, приехавшие в Израиль в течение последних тридцати лет, за относительно короткий срок значительно консолидировались и оказались в центре израильского общества³⁰. Бывшая советская еврейская интеллигенция стремительно проникает в самую гущу израильского общества, где устанавливаются правила игры, по которым живет страна, где создается и формируется ее культурное ядро. Это

явление не имеет параллелей в изучении интеграционных процессов в любой другой группе иммигрантов в израильском обществе³¹. Преобразуя свою роль «чистого ученого» в роль «социального критика», израильские бывшие советские и постсоветские ученые вносят очевидный вклад в создание новой совокупности характеристик, имманентно присущей ученому роли интеллектуала. В современном израильском обществе, испытывающем недостаток в согласованном духовном лидерстве, эта конструктивная роль ученых, правомерность которой базируется не на амулетах и предрассудках, а на парадигмах научного знания, может быть особенно плодотворной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Baitalsky M.* The new Soviet anti-Semitism // *Anti-Semitism in the USSR: Its roots and consequences.* Jerusalem, 1979. P. 222.
- ² *Ibid.* P. 230.
- ³ *Ibid.* P. 237.
- ⁴ Подробнее см.: *Voronel A.* Aliya of the Jewish intelligentsia from the USSR // *In search of self: The Soviet Jewish intelligentsia and the exodus.* Jerusalem, 1983. P. 121—135.
- ⁵ *Storer N.* The Internationality of science and the nationality of scientists // *Intern. Soc. Sci. J.* 1970. № 22. P. 80—92.
- ⁶ *Toren N.* National cultures of science: A study of Soviet and American immigrant scientists in Israel // *Sci. and publ. policy.* 1984. N 9. P. 125—160; *Id.* Science and cultural context: Soviet scientists in comparative perspective. N. Y., 1988.
- ⁷ *Merton R.* Science and democratic social structure // *Merton R. Social theory and social structure.* N. Y., 1949. P. 307—316.
- ⁸ *Barber B.* Science and the social order. N. Y., 1952.
- ⁹ *Toren N.* The new code of scientists // *Trans. and engineering management.* 1980. N 27 (3). P. 81.
- ¹⁰ *Ben-David J.* The scientist's role in society. [S. l.], 1971.
- ¹¹ Цит. по: *Toren N.* The new code of scientists. P. 82.
- ¹² Цит. по: *Toren N.* National cultures of science. P. 134.
- ¹³ *Voronel A.* Aliya of the Jewish intelligentsia... P. 123.
- ¹⁴ *Voronel A.* Twenty years after // *Russian Jews on three continents: Migration and resettlement.* L., 1997. P. 423.
- ¹⁵ *Walzer M.* Interpretation and social criticism. Cambridge, 1987.
- ¹⁶ *Schroeter L.* The last Exodus. Jerusalem, 1974. P. 386.
- ¹⁷ *Azbel M.* Autobiography of a Jew // *In search of self.* P. 59.
- ¹⁸ *Feuer L.* What is an intellectual? // *The intelligentsia and the intellectuals.* Beverly Hills, 1976. P. 48.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 47.
- ²⁰ *Knopfelmacher F.* Intellectuals and politics. Melbourne, 1968.
- ²¹ Подробнее о нем см. в ст. Э. Сливкиной, помещенной в настоящем сборнике. — *Ред.*
- ²² *Merton R.* Social theory and social structure. P. 210.

- ²³ *Toren N.* The new code of scientists. P. 83.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ Цит. по: *Toren N.* National cultures of science. P. 128.
- ²⁶ *Voronel A.* Aliya of the Jewish intelligentsia... P. 126—127.
- ²⁷ *Shhuval J., Bernstein J.* The dynamics of professional commitment: Immigrant physicians from the former Soviet Union in Israel // *Soc. Sci. a. Medicine.* 1996. N 42 (7). P. 965—974.
- ²⁸ *Toren N., Griffel A.* A cross-cultural examination of scientist's perceived importance of work characteristics // *Soc. Sci. Research.* 1983. N 12. P. 23.
- ²⁹ *Nudelman R.* The duality of the Soviet Jewish intelligentsia // *In search of self.* P. 200—206.
- ³⁰ *Patlas N., Epstein A., Kheimets N.* Creating the community of scholars: Consolidation and development of institutionalized networks of scientists from the former Soviet Union in Israel // Paper presented at the 3rd Intern. Conf. on Intellectuals: Intelligentsia and soc., Moscow State Univ., 28—30 Sept. 1999.
- ³¹ *Leshem T., Lissak M.* Development and consolidation of the Russian community in Israel // *Roots and routs: Ethnicity and migration in global perspective.* Jerusalem, 1999. P. 136— 171.